

**МИХАИЛ
ОСИПОВИЧ
ГЕРШЕНЗОН**

СУДЬБЫ ЕВРЕЙСКОГО
НАРОДА

Михаил Гершензон
Судьбы еврейского народа

«Public Domain»

1922

Гершензон М. О.

Судьбы еврейского народа / М. О. Гершензон — «Public Domain», 1922

«Образованный англичанин может прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись об исторической судьбе своего народа и его назначении. Он знает непосредственным чувством, что его народ живет как целое и что путь его истории непрерывен. А куда ведет этот путь и верен ли он – как узнать? Ведь очевидно, что явления такого размера индивидуальный разум не в силах осмыслить. Лицо живого народа – как огнезарное солнце: оно всем видно, но его нельзя разглядеть. Только остывшие солнца, мертвые лики Египта, Эллады, Рима мы силимся обозреть в их целостности, да и то без большого успеха...»

© Гершензон М. О., 1922

© Public Domain, 1922

Михаил Осипович Гершензон Судьбы еврейского народа

Образованный англичанин может прожить всю жизнь, ни разу не задумавшись об исторической судьбе своего народа и его назначении. Он знает непосредственным чувством, что его народ живет как целое и что путь его истории непрерывен. А куда ведет этот путь и верен ли он – как узнать? Ведь очевидно, что явления такого размера индивидуальный разум не в силах осмыслить. Лицо живого народа – как огнезарное солнце: оно всем видно, но его нельзя разглядеть. Только остывшие солнца, мертвые лики Египта, Эллады, Рима мы силится обзреть в их целостности, да и то без большого успеха.

И все же нет ни одного культурного народа, который не пытался бы время от времени осознать себя разумом своих мыслителей. Из наблюдений над прошлым выводится как бы линейная схема, чертеж: философия национальной истории; и общество жадно ловит эти догадки, потому что они удовлетворяют неискоренимую потребность сознания – свести к умозрительному единству многообразие народных влечений и народной судьбы.

Если этому нетерпению поддаются и благоустроенные народы, то как устоять против искушения в особенности современному еврею? Кто верит, тому не нужны рассудочные надежды: он целостным чувством почерпает утешение и надежду в идее благого Промысла. Когда же вера ослабела в еврействе, на смену ей неизбежно должна была явиться какая-нибудь рационалистическая философия истории. История евреев, во-первых, слишком странна своим разительным несходством с историей прочих народов и, во-вторых, в большей своей части так беспросветно печальна, что зритель невольно останавливается пораженный; мысль настойчиво ищет разгадать последовательность и смысл столь необычайного зрелища. Пред этой загадкой еврейской истории, мы знаем, останавливались и многие нееврейские умы; тем понятнее раздумье еврея. Человек так устроен, что своему счастью и покою он не ищет оснований, и принимает их как естественные явления, скорбь же свою он непременно должен возвести к причине, должен доказать себе логическую неизбежность своего страдания, иначе мир предстанет ему как бессмыслица, и он утонет в отчаянии. За что так тяжело наказан еврейский народ рассеянием и гонениями? Была ли в его прошлом какая-нибудь роковая вина, или в его характере такая врожденная особенность, откуда неизбежно развилась чудовищная вереница мучений? Это первый вопрос, естественно представляющийся уму, – вопрос понимания. Он уже потому напрашивается, что в отличие от других живых народов еврейство имеет в своем Палестинском прошлом как бы свой собственный застывший лик, подобно тем мертвым ликам Египта, Греции и Рима, – законченный процесс, вызывающий на объяснение. Еще настойчивее второй вопрос, практически важный. Прошлое народа складывалось стихийно, но будущность его, по крайней мере, ближайшая – неужели мы не можем подчинить ее нашей разумной воле? Будь еще еврейство благоустроено, потребность предвидения была бы не так остра. Но еврейство и сейчас несчастно, разорвано, бездомно; 14 миллионов людей, чувствующих себя одной семьей, разбросаны по 70 странам; народ, имевший свою культуру, внутренне распылен по двадцати инородным культурам; народ, забывший родную речь и говорящий на многих чужих языках, народ-хамелеон, народ – торгаш, оторванный от природы, хиреющий в городах, всюду, если не гонимый, то едва терпимый, – такому народу – где исход? Старая вера не смела спрашивать о будущем, потому что самый этот вопрос есть уже вмешательство в замыслы Бога; напротив, безверие по своей природе обречено предвидеть и направлять. А так как предвидеть можно только из бывшего опыта, иначе предвидение будет химерой, то вопрос о будущем сводится опять-таки к вопросу о прошлом, и оба вместе могут быть решены только историко-философской гипотезой. Вот почему для современного еврея, утратившего веру отцов, нет искушения

сильнее, нежели объяснительный и руководящий национальный миф. И нетрудно видеть, что все умственные движения, возникавшие среди евреев за последние 40-50 лет, были, по существу, ничем другим, как попытками такого мифотворчества. Сами деятели могли и не знать источников своего вдохновения и добросовестно считать свою программу чисто-практической: таковы были, например, ассимиляторы 80-х годов; в действительности, и здесь все доводы черпались из определенных исторических обобщений, только слабо сознанных и оттого не сведенных в систему.

Было бы в высшей степени любопытно вскрыть основы этих учений, вылущить из оболочек философское ядро каждого и затем составить весь этот ряд гипотез, объединенных как временем их зарождения, так и общностью цели. Я убежден, что внимательное исследование обнаружило бы в них много родственных черт наперекор их видимому несходству. Оно показало бы, что все они совпадают и отрицательно, имея общей исходной точкой безверие, исторический рационализм, и положительно, так как все без исключения представляют лишь копии с различных историко-философских теорий, какие выработала для собственных нужд европейская мысль XIX-го века.

Но я не займусь этим делом. Доктрина ассимиляторов, учения о религиозной или духовно-культурной миссии еврейского народа отжили свой короткий век и больше не привлекают сторонников. И всех победило могучее движение сионизма, нарастающее неудержимо вот уже четверть века и ныне достигшее апогея. Сионизм – уже не только академическая доктрина: он стал движущей силой в сознании сотен тысяч людей, он превратился в идею-чувство, идею-влечение. И если пока он только волнует умы и сердца, если еще не многое переместил в мире, то энтузиазм, возбуждаемый им, – порука, что при благоприятных условиях ему суждено коренным образом повлиять на судьбу еврейства. Не сегодня – завтра падет главная из внешних преград: Палестина будет отдана евреям, – и горсть восторженных мечтателей поднимет с мест и поведет за собою массу, чтобы ее трудом, ее лишениями проделать опыт национального возрождения. Такую ответственность берет на себя только тот, кто непоколебимо знает правду и силу своего замысла. Сионизм пламенно верит в свою мечту – откуда же эта уверенность? – Он черпает ее в своем мировоззрении, в своей философии истории. Его конкретные утверждения целиком выведены как логически обязательное следствие из некоторой общей идеи, и кто хочет понять сионизм, должен искать его смысл не в деловых постановлениях Базельского или Гельсингфорского съезда, а в той историко-философской теории, которая одушевляет его и связывает отдельные части его программы в единство. Между тем как раз эта важнейшая сторона сионизма наименее освещена. С сионизмом случилось то же, что можно наблюдать в истории всякой политической партии: программа совершенно затмила породившую ее идею и тем превратила эту идею в догмат. Об основных положениях сионизма никто не спорит, их только хранят, как золотой запас, и в нужных случаях предъявляют *ad extra*. С тех пор как лет 25 назад они были впервые формулированы, их никто не вздумал пересматривать, ни с целью проверки, ни даже ради обогащения и упрощения. Их повторяют в бесчисленных журнальных статьях, брошюрах, книгах, как непреложные аксиомы, в одном и том же составе, почти в тех же словах. Весь разум сионизма поглощен тактикой, все споры ведутся в границах программы; даже главнейший раскол в сионизме не коснулся его сердцевины, потому что и духовный сионизм Ахад-Гаама не спрашивает, верно ли определена конечная цель: он указывает лишь иной путь к той же цели, какую ставит себе политический сионизм. Это общее согласие столь торжественно, что голос критики может показаться среди него почти кощунством. Если я все же решаюсь высказать свою мысль, то смелость эту я почерпаю в моем уважении к сионизму, в моей уверенности, что не правоту свою любят сионисты, но больше ее дорожат истиной и благом еврейского народа. Мы – как семья на распутье; нашему дому грозит гибель: где выход из роковой тесноты? Вы, сионисты, придумали способ спасения, я же усмотрел ошибку в

ваших расчетах, грозящую новой бедой; и так как я член той же семьи, то мое возражение не должно оскорбить вас; у нас одна любовь и одна забота.

Сионизм как историко-философское учение представляет ту особенность, что как раз о прошлом он прямо ничего не изрекает. Его цель – вовсе не осветить историю еврейского народа; его цель – устроить будущность народа, не похожую на его настоящее; поэтому он подробно анализирует современное положение еврейства и выводит отсюда директивы для будущего, а прошлое оставляет в стороне. Из прошлого он отмечает – и то без всякого анализа, – только два-три разрозненных эмпирических факта, которые ему нужны: неистребимость еврейского народа, самосознание своего единства в нем и тысячелетнюю молитву евреев о возвращении в Сион. Но и в суждениях сионизма о настоящем, и в его мечтах о будущей судьбе еврейства ясно выступает его затаенная философия истории.

Сионизм всецело основан на идее национализма. Развитие человечества, по мысли сионистов, совершается исключительно в национальных формах; оно и есть не что иное, как общий итог национальных развитий. Нет другого творчества, кроме творчества национального; нация – единственная подлинная реальность мировой истории. Таков первый, основной догмат сионизма. Но понятие нации многомысленно; как же определяют его сионисты? – Они мыслят нацию на манер растения; их второй догмат гласит: неперенным условием национального существования являются единство и своеобразие быта. А так как быт есть результат коллективного приспособления к внешней среде, то, согласно третьему догмату сионизма, единство и своеобразие национального быта немислимы без территориального объединения нации. На этих трех понятиях, спаянных причинной связью, покоится весь сионизм: национальное творчество – быт – территория. Все остальное в сионизме есть лишь применение этой несложной доктрины к судьбе еврейского народа. Сионисты рассуждают так. Еврейство – несомненно единая нация; такую она сознает себя и такую обнаруживается в единстве своих судеб. Оно еще не изжило своих сил, как доказывает даровитость отдельных его сынов в века изгнанничества; между тем, как целое и в массе своей оно почти два тысячелетия остается бесплодным. Почему иссякло это национальное творчество? Только потому, что еврейство не живет нормальной национальной жизнью. Нормальная же национальная жизнь есть та, когда быт органически вырастает из недр народного духа. С тех пор как евреи рассеялись по земле, они вовсе не имеют своего быта. Законы, которым подчиняется народ, должны быть изъяснением его собственной воли: евреи, живя среди чужих им народов, всюду повинуются чужим законам. У них нет своего национального хозяйства – их экономическая жизнь определяется нуждами и вкусами народов, среди которых они живут. Они утратили свой язык, они с каждым днем растеривают последние остатки своего национального своеобразия: свою религию и культ, общинную организацию, систему воспитания; они питаются чужими литературами, подражают чужим модам, усваивают чужой образ жизни. Еврейство как нация обезличивается до конца. Против этого обезличения есть только одно средство: надо хоть часть евреев собрать в пучок и прижать этот пучок к земле и держать прижатым до тех пор, пока он пустит корни в землю; тогда через корни станут подниматься из почвы живые соки, ствол оживет, опять расцветет в еврействе национальный быт, а из него родится и плод – национальное творчество. И хотя еще ни одна нация в мире не проделала такого опыта, сионизм твердо убежден, что стоит только посадить перекасти-поле корешком в землю, и он зацветет, как жезл Аарона. Опыт непременно удастся – в этом нет сомнения; оставалось только решить, какое место на земле наиболее пригодно для посадки. Тут, после некоторых колебаний, пришла на помощь романтическая мечта евреев о возвращении на древнюю родину. Эта мечта, разумеется, – сильный психологический стимул и, как таковой, может до известной степени содействовать успеху. Но ведь она – только одно из слагаемых; а о том, что за две тысячи лет еврейство физиологически переродилось, что его организм давно приспособился к иным почвам, климатам и бытовым укладам, что ста-

рая родина остается его родиной лишь в том смысле, как для взрослого растения – парник, откуда оно было высажено, или для бабочки – кокон, – об этом сионизм не думает.

Но я и коснулся этой темы лишь мимоходом. Суть дела – в отвлеченной формуле сионизма. Нам нужно уяснить себе две вещи: во-первых, верен ли исторический закон, на котором базируется сионизм, и, во-вторых, та цель, которую он ставит пред еврейством, заслуживает ли быть возведенной в идеал. Я утверждаю, что и закон наблюден неверно, и цель избрана недостойная нас.

III

Нет никакого сомнения: нация не механическое сцепление личностей, а некая умопостигаемая индивидуальность, имеющая единую волю и свое особенное предназначение в мире. Мы не только смутно и, однако, уверенно чувствуем это в современности, но и вполне ясно видим в прошлом, где ожившие народы предстают нам в совершенной цельности своего существа и своей судьбы. Как река в вечной смене вод, как отдельный человек един и целостен в непрерывном обновлении своего телесного состава и душевных движений, так всякий народ есть в истории один организм, одно лицо и одна судьба. Существует стихийная воля нации, и воля эта в своем неудержимом стремлении отлагает наружу как бы известковые образования – причудливые, строго-закономерные формы народного быта и народной судьбы. И как изнутри эти формы строятся, так непрерывным движением народного духа они изнутри и образуются, разрушаются, обновляются неустанно. Национальность – начало формообразующее, морфологическое. Не сущность исторического процесса она определяет, но только индивидуальные формы его существования и внешнего проявления. Национальное начало не творит существенно, – творят другие силы: оно только привходит во всякое творчество, как желчь непрерывно выделяется печенью и воздействует на пищеварение. И даже не самые формы определяет оно, потому что формы человеческого бытия тождественны по всей земле: национальность определяет только форму форм, то есть видовое своеобразие форм. Эстетическое чувство свойственно всем людям, но у греков оно развилось всего более; нос есть у всякого человека, а римляне отличались от других людей только особенной структурой носа. И действие этого пластического начала столь тонко, так глубоко органично и таинственно, что уследить его нам не по силам.

Но если так, если национальность, действительно, не творит бытия, ни даже его форм, а только видовые признаки форм, подобно той неведомой силе, которая листьям дуба придает форму дубового листа и носу слона – форму хобота, то очевидно, что овладеть этой тончайшей стихией, во-первых, невозможно, а, во-вторых, и незачем, потому что она никак не могла бы стать в наших руках орудием существенного творчества. Нас же должно интересовать только последнее; для нас жизненно-важна лишь та сфера, на которую простирается компетенция нашей разумной воли. На действие национального начала она не простирается, следовательно, о нем нам и нечего заботиться. Национальность – наш неизменный спутник; как мы неизменно воспринимаем явления в категориях пространства, времени и причинности, так и национальность определяет все наши восприятия и всякое наше целесообразное действие. Не нация, как утверждает сионизм, есть подлинно-реальное в истории, а личность, потому что только личность творит существенно и только ей до известной степени предоставлена свобода выбора. Национальное начало действует автоматически и не развивается самочинно; развивается личность, и только в ней, питаемая ее целостным развитием, национальность крепнет и очищается. Человеческий дух не составлен из кусков, он слитно-целен, и потому ничто природное не может быть изменено в нем частично по сознательному замыслу: всякое такое усилие исказит его в целом, но своей специальной цели не достигнет. Национальный элемент – только одна из природных данностей, и о нем,

как об отдельном, надо забыть, хотя он есть и вечно будет. Нам надо каждый представший вопрос и каждую задачу решать на основании существенных соображений, практических и идеальных; нам надо стараться быть сильными, свободными, полными духа людьми, – тогда наш национализм, который бессознательно есть в каждом, будет высокого качества. Испанец должен просто жить, не стараясь жить по-испански: хочет он или не хочет, он все равно живет по-испански и на свою долю осуществляет «миссию» испанского народа; но если он живет хорошо, испанский элемент в нем как раз очищается от шлаков, и он, не думая о назначении своей нации, тем лучше служит ему, – я думаю даже, улучшает в меру своих сил, потому что, ежели в самом деле народу предначертывается траектория его пути, то это, конечно, не линия, а так называемый «пучок траекторий», то есть некоторый простор вверх и вниз, предоставляемый уже свободе человеческой воли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.